

Социальная политика. Социальная структура

© 2011 г.

В.Г. НЕМИРОВСКИЙ

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, зав. отделением социологии и общественных связей ФГАСУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (E-mail: valnemirov@mail.ru).

Аннотация. *Статья посвящена анализу поселенческих аспектов социокультурной самоидентификации населения Восточной Сибири, основанному на результатах исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2010 г., осуществленных по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона», созданной сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Приводятся сравнения полученных данных с материалами Всероссийского исследования, проведенного ЦИСИ ИФ РАН*

Ключевые слова: *самоидентификация • антиидентификация • социокультурные изменения • сибирский менталитет • взаимопонимание*

Современное российское общество выступает как достаточно слабо интегрированное идентификационное пространство, предоставляющее индивиду различные способы социокультурной самоидентификации. Несмотря на значительное число социологических работ, как зарубежных, ставших классическими (от Э. Дюркгейма и Т. Парсонса до А. Шюца, П. Бурдье, Ю. Хабермаса и др.), так и отечественных авторов (З.Т. Голенковой, Е.Н. Даниловой, Л.М. Дробижевой, Л.Г. Ионина, П.М. Козыревой, Н.И. Лапина, Ю.А. Левады, В.А. Ядова, И.Г. Яковенко и др.), посвященных теоретическим основам социокультурной самоидентификации и эмпирическому анализу её различных сторон, региональные аспекты этого процесса в современной России остаются, на наш взгляд, недостаточно изученными. Среди наиболее значимых работ отечественных социологов, посвященных этой проблеме в последние годы, следует назвать публикации ИС РАН [1, 2], Г.С. Корепанова [3], анализ идентичности москвичей [4], молодежи Юга России [5], ряд диссертационных исследований [6] и др. Между тем, адекватный учёт факторов и механизмов социокультурной идентификации в региональном аспекте выступает необходимым условием успешной модернизации современного российского общества, сохранения его единства и социальной стабильности. Особенно актуальна эта проблема для регионов Сибири, которые, традиционно, являются специфическими поликультурными сообществами.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-03-00001а).

Программа и методика исследования опираются на разработанный Н.И. Лапиным социокультурный подход [7], а также концепции и методы многомерного анализа социального расслоения российского общества, созданные Л.А. Беляевой [8]. Эмпирической базой для подготовки статьи послужили материалы трёх социологических исследований, проведенных отделением социологии университета в 2010 г.: опросы населения Красноярского края и Республики Хакасия и экспертный опрос в Красноярском крае [см.: 9]. Опрос населения осуществлен методом формализованного интервью по месту жительства респондентов (59 вопросов, заданных в доверительной обстановке, на дому у респондентов) в 28 населенных пунктах региона (в Республике Хакасия – в 11), по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структуры взрослого населения. Объем выборки в Красноярском крае составил 1000 человек, в Республике Хакасия – 600 респондентов. Данные анкетного опроса прошли экспертизу в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Полученные материалы обрабатывались с помощью пакета прикладных программ SPSS с использованием кластерного, факторного и корреляционного анализа.

Кроме того проводился экспертный опрос методом формализованного интервью с помощью специально разработанной анкеты [см.: 10]. В качестве экспертов выступили преподаватели общественных наук в вузах (социологи, историки, политологи, экономисты, культурологи), руководители крупных негосударственных компаний, представители СМИ, общественного сектора, институтов гражданского общества (всего 150 чел.). Опрошенные эксперты являются ключевыми «социальными агентами» и во многом влияют на процесс становления общественного мнения по важным вопросам функционирования и развития региона. Данные «агенты» активно включены в информационное пространство территории, отличаются наличием экспертного знания о социокультурном, политическом и экономическом развитии региона, и, в то же время, не включены напрямую в структурировании социально-политической картины региона (с позиции принятия административных решений).

Важнейшим аспектом социокультурной самоидентификации является поселенческая самоидентификация жителей региона (см. табл. 1). Большинство опрошенных (59%) идентифицируют себя с жителями поселения, в котором они живут (деревня, село, город). Менее трети (31%) самоидентифицируются с жителями краевого или республиканского центра. Общерегиональная самоидентификация жителей края оказалась низкой – менее четверти из них (23%) считают своими, близкими жителей всего края. При этом в Хакасии этот вид самоидентификации заметно выше – 32%. Ещё меньшая доля респондентов идентифицируют себя с населением России (17%) и всей Земли (11%). В Хакасии эти показатели несколько выше: соответственно 22 и 14%. Таким образом, у опрошенных сибиряков преобладает «чувство малой Родины». Причём данная особенность более ярко выражена в Красноярском крае, нежели в Хакасии. Наряду с этим проявляется «атомизация» российского социума в пределах отдельного региона.

Обращает на себя внимание и сравнительно высокая доля респондентов в обоих регионах, выразивших безразличное отношение к предложенным объектам самоидентификации, т.е. не имеющих чётко выраженной собственной поселенческой самоидентификации (от 13 до 22%).

Более половины опрошенных жителей Красноярского края (57%) считают жителей Москвы «далёкими, чужими» (подобные ответы дали 52% респондентов из Хакасии), 47% краевых респондентов таким же образом оценили жителей России и 42% – жителей всей Земли (население Хакасии, соответственно 40 и 37%). Иными словами, примерно для половины опрошенных жителей Красноярского края и несколько меньшей

Чувства близости или отдаленности жителей Красноярского края и Республики Хакасия с жителями территориальных общностей/сообществ (% от числа опрошенных)

Категория жителей	Свое, близкое		Безразлично		Далекое, чужое	
	Красноярский край	Республика Хакасия	Красноярский край	Республика Хакасия	Красноярский край	Республика Хакасия
Поселения, в котором я живу (деревня, село, город)	59,1	58,5	13,3	13,2	14,3	14,5
Краевого (областного) центра, хотя я там и не живу	30,7	31,1	20,8	18,5	29,6	21,5
Всего моего края (республики)	23,3	32	21,8	20,2	36,2	27
Москвы – столицы России	6,9	7,2	17,5	21,7	56,9	51,8
Всей России	16,9	21,8	14,4	15,8	46,8	40
Бывших республик СССР	6,9	6,8	13,1	12,0	33	22
Всей Земли	11,2	13,7	14,6	18,5	41,3	36,7

доли жителей Хакасии, характерна **антиидентификация** с жителями России и её столицы, что может выражать как недовольство «колониальной политикой Москвы» в отношении данного региона, так и не манифестированный до времени потенциал сибирского сепаратизма. В этой связи нельзя не вспомнить результаты социологических исследований, проведённых нами в 1990-х годах в Красноярском крае, которые свидетельствовали о существовании скрытого потенциала сибирского регионально-территориального сепаратизма [11].

Описанные выше данные отличаются от результатов всероссийского исследования, проведённого Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Очевидно, что у населения двух сибирских регионов на уровне массового сознания социокультурная самоидентификация с жителями своего региона (48% – Красноярский край, 45% – Хакасия, 58,9% – Россия в целом), всей России (соответственно, 16,9, 21,8 и 38,2), бывших республик СССР (6,9, 6,8 и 23,3) и всей Земли (11,2, 13,7, 19,8) выражена заметно слабее, чем у населения страны в целом.

Между тем результаты факторного анализа ответов россиян в целом соответствуют результатам подобного анализа ответов жителей двух сибирских регионов. Рассмотрим вначале итоги анализа данных опроса по России в целом. Так, Ф-1 описывает самоидентификацию с жителями всей России, бывших республик СССР и всей Земли. Описательная сила фактора – 43,9%. Ф-2 выражает самоидентификацию опрошенных россиян с жителями поселения, в котором они живут, а также всей их области/края (республики). Описательная сила – 33,6%. Использование факторного анализа показало, что на уровне массового бессознательного респондентов как Красноярского края, так и Хакасии, существуют две в целом аналогичные латентные переменные, несмотря на присутствие в инструментарии по регионам двух дополнительных показателей.

Ф-1 описывает самоидентификацию респондентов с жителями Москвы, жителями всей России, жителями бывших республик СССР и жителями всей Земли. Описательная сила фактора: Красноярский край – 40,7%, Республика Хакасия – 39,3%. Ф-2 выражает близость респондента с жителями поселения, в котором он проживает,

жителями краевого (республиканского) центра, жителями всего края (республики). Описательная сила фактора: Красноярский край – 30,2%, Республика Хакасия – 30,8%. Как видим, на уровне массового бессознательного, в отличие от массового сознания, у жителей двух сибирских регионов существует поселенческая социокультурная самоидентификация, подобная той, которая выявлена у россиян в целом. Можно предположить, что массовое бессознательное респондентов отражает те более ранние этапы формирования социокультурной самоидентификации, когда Советский союз был единым целым, занимающим важное место в мировой иерархии государств. Специфика поселенческой самоидентификации сибиряков, по сравнению с россиянами, на уровне массового сознания, на наш взгляд, свидетельствует о более поздней тенденции нарушения социально-психологического и социокультурного единства современного российского социума.

К подобным заключениям приходит и алтайский социолог Д.И. Щербинин. Опираясь на результаты социологических исследований в ряде сибирских регионов, в том числе, Красноярском крае, автор делает вывод, что современный сибирский сепаратизм существует и характеризуется неманифестированностью, латентной конфликтностью, причём, налицо признаки его выхода из латентной фазы в следующую стадию конфликта. К числу его проявлений, в частности, относятся рост массового недовольства сибиряков (особенно бизнесменов, муниципальных чиновников, государственных служащих и представителей интеллигенции) углублением диспропорций в уровнях социально-экономического и социокультурного развития Сибири и Европейской части России, в негативно стимулирующем воздействии на протестное поведение сибиряков, усиливающим социальную напряжённость в сибирских субъектах Российской Федерации, в позитивно-сдерживающем влиянии на развитие этнического сепаратизма нерусской части населения Сибири. Причём различные проявления сибирского сепаратизма в настоящее время находятся в разной стадии развития: от уровня социального риска до стадии прямой угрозы целостности российской государственности [12].

Об этом свидетельствуют и данные, полученные нами в рамках настоящего исследования. Респондентам был задан вопрос «Учитывают ли реформы, проводимые правительством РФ, интересы Сибири?». Только 4% ответили: «в полной мере». По мнению большинства (48% – Красноярский край, 45% – Хакасия), «учитывают частично», а 24% опрошенных в крае и 17% в Хакасии полагают, что эти реформы интересы Сибири «не учитывают совершенно». Ровно четверть опрошенных в крае и треть – в республике затруднились ответить на этот вопрос. Таким образом, в целом 72% опрошенных Красноярского края и 62% Хакасии в той или иной мере сомневаются в том, что реформы, проводимые правительством РФ, учитывают интересы Сибири. Несколькими выше доля критически настроенных среди респондентов, проживающих в региональных центрах и других городах, ниже – в сельской местности.

Можно сказать, что среди жителей двух сибирских регионов преобладает поселенческая идентификация с «малой родиной»; при этом, люди, населяющие любые иные социальные пространства, часто воспринимаются как далёкие и чужие, что может потенциально порождать серьёзные социально-культурные и социально-политические проблемы.

Для изучения мнения экспертов был предложен открытый вопрос «Как Вы считаете, изменились ли жители Красноярского края, по сравнению с россиянами в целом, в результате реформ? Отразились ли реформы на традиционном «сибирском менталитете?». В результате контент-анализа ответов получены следующие данные: изменились, как и все россияне, особенный сибирский менталитет не проявился (30,9%); нет, не изменились (29,3%); изменились, но в меньшей степени, чем все россияне; это связано с большей традиционностью и «периферийностью» территории (15,8%); изменилось в негативную сторону (пострадала нравственность, ухудшилось финансирование, отношения стали менее искренними) (8,2%); да, изменились в целом (7,9%); усилилось региональное самосознание (4,7%); да, в силу иных жизненных условий, поскольку край живет лучше, чем остальные территории (3,2%) [13].

Как видим, согласно результатам опроса, подавляющее большинство экспертов указывают или специфические социокультурные изменения, по сравнению с россиянами в целом, произошедшие под влиянием особого сибирского менталитета жителей Красноярского края, или констатируют их отсутствие и сохранение традиционного сибирского менталитета. Лишь менее трети экспертов (31%) не видят специфического проявления сибирской ментальности (или считают, что такой феномен как «сибирский менталитет» попросту не существует) и полагают, что в результате реформ сибиряки изменились, также как и все россияне. На наш взгляд, данная тенденция может являться признаком недостаточного включения Красноярского края в общероссийские интегративные процессы.

Как следует из данных, приведённых в табл. 2, можно говорить о тенденции атомизации двух обследованных сибирских региональных социумов, ослаблении и нарушении в них социальных связей между людьми, когда жизненный мир человека ограничивается рамками его семьи и сужается до пределов населённого пункта, в котором он проживает. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что наибольшее взаимопонимание четверть жителей Красноярского края и около трети Хакасии находят в компании друзей (данные по России в целом – 49,3%), два процента – среди соседей (Россия – 24,1%), примерно каждый десятый в каждом из двух сибирских регионов – на работе (Россия – 23,6%). И даже в семье россияне в целом чаще находят взаимопонимание – 75,8%, чем жители Красноярского края – 65,5% и Хакасии – 61,3%, что говорит и о более остром проявлении в Восточной Сибири деструктивных процессов в сфере семейных отношений.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?» (% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов*	Красноярский край	Республика Хакасия	РФ
В семье	65,5	61,3	75,8
В компании друзей	26,8	34,3	49,3
Среди соседей	1,8	2	24,1
На работе	9,1	11,4	23,6
В кругу единоверцев	1,5	1,5	4,8
Другое	2,3	2,4	–
Нигде	2,9	3	2,9
Отказ от ответа	4,1	3	0,9

* допускалось отметить до трех вариантов.

Отвечая на вопрос об общем эмоциональном отношении к своему региону, большинство респондентов-сибиряков выбрали вариант ответа «в целом я доволен, но многое не устраивает» – соответственно, 46% респондентов в Красноярском крае и 40% – в Хакасии. В целом по России подобные ответы дали 41% опрошенных. Но только каждый четвёртый из жителей Красноярского края и каждый третий из жителей Хакасии сказал: «я рад, что живу здесь», в то время как аналогичным образом ответили 41% населения страны в целом. У сибиряков также выше, чем у населения страны в целом, безразличное отношение к своему региону, а также желание уехать в другой регион или же вообще покинуть Россию.

В этой связи небезынтересно сравнить мнение респондентов из Красноярского края о качестве жизни в данном регионе, с их представлением о том, как живут люди в соседних регионах Сибири (см. табл. 3). Сразу отметим, что к числу «патриотов», по мнению которых, «в нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах», относится только каждый десятый респондент в Красноярском крае и каждый шестой – в республике Хакасия. При этом 9% опрошенных в Красноярском крае и 8% в Хакасии придерживаются противоположной позиции – «в нашем регионе люди живут

Мнение жителей Красноярского края и Республики Хакасия о жизни в своем и соседних регионах (% от числа опрошенных, 2010 г.)

Оценочные позиции	Красноярский край	Республика Хакасия
В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах	9,8	15,7
По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже	61,7	58,6
В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах	9	7,7
Затрудняюсь ответить	18,6	17,7
Отказ от ответа	0,9	0,3

хуже, чем во всех соседних регионах». Однако большинство опрошенных – 62% в крае и 59% в республике – полагают, что «по сравнению с одними регионами, у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже». Иными словами, придерживаются нейтральной позиции.

Образно говоря, результаты исследований в двух регионах Восточной Сибири показывают, что их жители – это, скорее «представители конкретного поселения (деревни, посёлка, города)», в то время как население России в целом зачастую воспринимает себя «жителями всей России, бывших республик СССР и даже всей Земли». Подобная социально-поселенческая самоидентификация сибиряков свидетельствует о глубоко противоречивой социокультурной и социально-психологической ситуации в этих регионах, что в любой момент может привести к негативным социально-политическим последствиям. Тем самым, поселенческие аспекты социокультурной идентификации населения таких регионов Восточной Сибири, как Красноярский край и Республика Хакасия имеют заметную специфику по сравнению с населением России в целом. Причём, специфика эта носит скорее социально-негативный социокультурный характер, что важно учитывать в процессе реализации утверждённой 5 июня 2010 г. Правительством РФ «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 г.» [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российская идентичность в социологическом измерении: информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. 2008. № 3.
2. Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М: Наука, 2005.
3. Корепанов Г.С. Региональная идентичность как базовая категория социологии регионального развития // Власть. 2009. № 1. С. 43–50.
4. Рыжова С.В. Идентичность москвичей (опыт исследования) / Социол. исслед. 2008. № 8. С. 40–49.
5. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Портфель идентичностей молодёжи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социол. исслед. 2010. № 12. С. 18–27.
6. Фомина Т.А. Социокультурная самоидентификация современного российского студенчества: региональный аспект. Дисс. на соискание уч.ст. канд. социол. н. Ставрополь, 2007.
7. Лапин Н.И. Социокультурный подход к изучению эволюции России и её регионов // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009. С. 15–40.
8. Беляева Л.А. Проблемы и возможности многомерного анализа социального расслоения Российского общества // Там же. М., 2009. С. 41–64.
9. Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурный портрет Красноярского края. Красноярск: РИЦ СибЮИ, 2010.
10. Лапин Н.И. Подход к социокультурной типологии регионов // Социокультурные портреты регионов России: Опыт комплексной реализации. Сборник материалов IV Всероссийской

научно-практической конференции. 18–22 сентября 2008 / г. Чебоксары. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 11.

11. *Немировский В.Г., Григорьев С.И., Пешков С.И.* Сибирь на пути к сепаратизму? // Социол. исслед. 1993. № 2. С. 20–26.
12. *Щербинин Д.И.* Конфликтный потенциал современного сибирского сепаратизма (по материалам социологических исследований в Алтайском и Красноярском краях, республике Алтай, Кемеровской и Читинской областях) / Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. социол. наук. Барнаул, 2010. С. 9–10.
13. *Немировская А.В., Костерина Е.С.* Социально-политическое развитие Красноярского края (по результатам экспертного опроса) // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса. Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции. 7–9 октября 2010 года, Ульяновск. Ульяновск: Издательство УлГУ, 2010. С. 326–331.
14. Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года // Сибирский федеральный округ. Официальный сайт. URL <http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php>

© 2011 г.

М.В. КОРНИЛОВА

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА И ИНВАЛИДОВ

КОРНИЛОВА Марина Валерьевна – младший научный сотрудник Института социологии РАН, методист Центра мониторинговых исследований института переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров и специалистов системы социальной защиты г. Москвы (E-mail: mmrr@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социального обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов, анализируются их потребности в различных видах услуг, предоставляемых работниками центров социального обслуживания.

Ключевые слова: социальное обслуживание на дому • социальные услуги • потребность клиента в социальном обслуживании

По данным Департамента социальной защиты населения г. Москвы, в городе функционирует 122 центра социального обслуживания населения (ЦСО). Около 20 лет назад, на этапе формирования, основу таких центров составляли несколько отделений: срочного социального обслуживания, дневного пребывания, социального обслуживания на дому. За последние несколько лет структура центров претерпела ряд существенных изменений. Во многих из них появились отделения реабилитации, консультативное и организационно-аналитическое отделения, помощи семье и детям и т.д. Больше половины всех существующих ЦСО по сути являются комплексными центрами, предоставляющими населению широкий спектр социальных услуг одновременно и постоянного характера. И, тем не менее, основой их функционирования считаются отделения социальной помощи на дому, обслуживающие наиболее незащищенные и уязвимые группы населения – пожилых людей и инвалидов. В статье рассматриваются особенности надомного социального обслуживания на примере ГУ ЦСО «Ростокино» Северо-Восточного административного округа г. Москвы. В задачи исследования входило выявление потребностей граждан, состоящих на надомном обслуживании, в различных видах услуг, предоставляемых социальными работниками.